12+

Какао под фонарём

Новелла о людях и одной лавке

ОКСАНА СИРОТКИНА

Оксана Сироткина

Какао под фонарём. Новелла о людях и одной лавке

«Издательские решения»

Сироткина О.

Какао под фонарём. Новелла о людях и одной лавке / О. Сироткина — «Издательские решения»,

Москва, декабрь. Старый двор, лавка с выбитой планкой и фонарь. Каждый вечер около половины шестого на краю лавки появляется горячий стакан какао. Кто его приносит, никто не видел. Мимо ходят трое: девятиклассница Соня, которая на всё отвечает «нормально», Ирина, живущая по спискам на стикерах, и бывший часовщик Пётр Андреевич, который давно перестал чувствовать запахи. Тихая новогодняя история о том, как соседи впервые замечают друг друга.

© Сироткина О.
© Издательские решения

Содержание

I. Серое 6
Соня. 9 декабря 6
Ирина. 10 декабря 9
Пётр Андреевич. 11 декабря 12
Стойка. 14 декабря 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Какао под фонарём
Новелла о людях и одной лавке

Оксана Сироткина

© Оксана Сироткина, 2026

ISBN 978-5-0071-6801-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Серое

Соня. 9 декабря

Снег в то утро шёл мокрый и косой. Соня вышла из подъезда, и он сразу попал ей за воротник, в рукав и в левый кроссовок. Зимние ботинки лежали в коробке с надписью «Соня, разное», а коробка стояла в коридоре, задвинутая за остальные. Мама сказала: «Разберём в выходные». Это она говорила с первого ноября.

Двор был старый. Тополь посередине, качели, на которых никто не качался, лавка с выпавшей планкой, фонарь на железном столбе. Дом был пятиэтажный, жёлтый, с облупившимися наличниками, и было видно, что ему больше ста лет. Ступени в подъезде вытоптали до ямок, перила держались на честном слове, а дверь открывалась плечом. Соня уже знала, каким плечом: левым. Ещё была ручка, холодная, с мокрым пятном от чужой ладони.

Наушники сидели на ней с шести утра. Большие, чёрные, с потёртым оголовьем, из Тулы. В них играло то, что играло всегда, и она давно не различала, что именно. Плейлистом это не называлось. Это была ровная стена, за которой можно стоять и смотреть.

Из-за стены она смотрела на школу. Девятый «Б», третий этаж, окна во двор. Классная, Марина Сергеевна, в первый день поставила её у доски и сказала: «Знакомьтесь, это Соня, она приехала к нам из Тулы». Двадцать шесть человек повернули головы. Кто-то кивнул. Кто-то посмотрел на её кроссовки. Это было пять недель назад, и с тех пор Соня оставалась «новенькой из Тулы», как другие остаются «рыжей» или «тем, что с первой парты».

В большую перемену к ней подошла Лиза, одна из тех, кто сидел у окна и красил ногти прямо на уроке. Лиза говорила что-то, и губы у неё двигались легко, с запасом. Соня сняла один наушник двумя пальцами, как берут горячее.

— …го в столовку? Мы идём.

— Нормально, — сказала Соня.

Лиза подождала. Лицо у неё стало вопросительным, потом вежливым.

— В смысле «нормально»? Это да?

— Нормально, — повторила Соня, потому что другого слова в этот момент у неё не нашлось.

Лиза кивнула и ушла вместе с остальными. Соня постояла в коридоре одна, надела наушник и пошла в столовую, в десяти шагах позади них. В очереди кассирша спросила, с молоком ей или без. Соня сказала «нормально». Кассирша налила с молоком. Соня молоко не любила с четырёх лет и допила всё до дна: вернуть было бы неловко.

Дома, в Туле, у неё был второй ответ на вопрос «как дела». Он назывался «ничего». Там его хватало на всех: на учителей, на соседку с первого этажа, на тётю Нину из папиной бухгалтерии. Здесь «ничего» кончилось вместе с квартирой на Пушкинской, а «нормально» осталось, потому что короче и ни к чему не обязывает. Мама давно разглядела в этом слове стену и стучалась в неё осторожно, по вечерам, на кухне. Папа стучаться не стал.

Папа писал каждый день, в семь пятнадцать, ещё до работы. В тот день он написал: «Как ты?» Соня ответила не сразу, на крыльце школы: «нормально». Папа поставил палец вверх. Ни она, ни он не продолжили.

Домой она возвращалась дворами, потому что так было дольше, и добралась только к пяти. Снег к вечеру стал гуще, но оставался мокрым. Он ложился на капюшон тяжёлыми пластами и сползал, на плечах держался только по краю. Соня несла сумку на одном плече, наушники на голове и ключи в кулаке, чтобы не искать их на крыльце. Ключи новые, ещё с заводской бирочкой, которую она так и не сняла.

Квартира была на третьем этаже, окнами во двор: две комнаты и кухня. Потолок высокий, и до него у мамы пока не дошли руки: лампочка висела голая, на проводе, без абажура. В коридоре стояли коробки. В большой комнате — диван, накрытый простынёй: чехол ехал отдельной машиной и застрял где-то под Серпуховом. На кухне — стол, два табурета и кастрюля, оставленная мамой с утра, с запиской «Разогрей, пожалуйста». Мама приходила к девяти. Она устроилась администратором в клинику на Садовой и по понедельникам и средам закрывала смену.

Соня постояла в коридоре с ключами в руке. Потом положила их обратно в карман, вышла и захлопнула дверь.

Во дворе было пусто. Дворники сюда, видимо, добирались не каждый день, и снег лежал у подъезда нетронутым слоем, на котором не было следов, кроме её собственных. Она прошла по этим следам назад, к лавке, и села на ту её половину, где планка была на месте.

Была четверть шестого, а стемнело уже давно. В декабре в этом городе вообще не по-настоящему светает, говорила мама: светлеет немного, потом сразу обратно. Фонарь над лавкой зажёгся в начале пятого, и теперь, когда стало совсем темно, оказался наконец нужен. Свет у него был жёлтый, густой, и лежал на земле кругом, в который снег входил сверху и там, внутри, замедлялся. Выше снег падал быстро и чёрно, а в круге света делался крупным, ленивым и золотым, и каждую снежинку было видно отдельно: она поворачивалась, садилась на лавку, на рукав и лежала, пока не становилась водой.

Соня этого не замечала. Достала телефон и стала смотреть в него. Снег падал на экран, и приходилось постоянно его смахивать, чтобы читать. Смахивала и читала. В классном чате писали: «а завтра точно контрольная», «точно», «жесть», «шарф серый чей». Кто-то прислал фотографию доски, на которой ничего не разобрать. Она пролистала всё до самого начала, до сентября, до той части, где её ещё не было, и стала листать обратно.

Минут через десять она замёрзла и подняла глаза.

На лавке, у самого края, где не хватало планки, стоял стакан.

Она не слышала шагов. Не слышала, как его ставили. Вообще не слышала ничего, кроме стены в ушах, и поэтому ей стало странно: так бывает, когда проснёшься, а на столе уже стоит чашка. Двор по-прежнему был пуст. Окна светились, но в них никого не было, только занавески и чья-то люстра. Тополь стоял чёрным пятном.

Стакан был бумажный, тёмно-синий, в серебристом рукаве, на котором темнел кит. Сверху на нём была белая крышка с маленьким отверстием. Из отверстия шёл пар. Тонкий, прямой, он поднимался в круг света, мялся там и пропадал. Стакан был горячий. Снег, падавший рядом, темнел и растекался пятнами.

Соня огляделась ещё раз. Потом сказала вслух, никому, потому что вслух было нестрашно:

— Тут стакан.

Двор не ответил. Она сняла наушники, положила на колени. Стена исчезла. И она услышала двор. Далеко проехала машина. Хлопнула дверь, не её. Где-то наверху скрипнула форточка. Всё это пришло сразу, тесной толпой, и ей стало неуютно, как в лифте с незнакомыми людьми. Она надела наушники.

Чужой стакан, решила она. Кто-то оставил, вернётся. Или оставил специально: например, для кого-то, кого ждёт. Чужого Соня не брала, даже если чужое греет. Она отодвинулась на самый край своей половины, подальше от пара, чтобы никому не показалось, что она на него претендует.

Вскоре через двор прошёл старик. Высокий, в длинном тёмном пальто, в шапке, с батоном в пакете. Шёл медленно, ногу ставил осторожно, как ставят на лёд. У лавки остановился. Посмотрел на стакан. Посмотрел на Соню. Оба промолчали. Старик двинулся к дальнему подъезду и скоро скрылся за тополем.

Без двадцати шесть она не выдержала и пошла наверх, потому что пальцы перестали гнуться и телефон отключился от холода. В подъезде было тепло, пахло старой краской и чьим-то луком. Дверь закрылась за ней сама. В квартире Соня включила свет, разогрела мамину кастрюлю и села к окну на кухне — оттуда был виден двор.

Окно запотело, и она протёрла ладонью кружок. Внизу, под фонарём, на лавке, всё ещё стоял стакан. Пар над ним уже не поднимался или поднимался так слабо, что с третьего этажа его было не разглядеть. Снег ложился на крышку, и на ней росла белая шапка.

Мама пришла без десяти девять, с красным носом и пакетом мандаринов и, ещё раздеваясь, сразу заговорила: про клинику, заведующую, про то, что в метро на Таганской сломался эскалатор. Соня сняла один наушник. Мама спросила, как день.

— Нормально, — пожала плечами Соня.

Мама замерла, с одним сапогом в руке. Посмотрела на дочь, потом на кастрюлю, потом в окно, за которым горел фонарь.

— Ты поела?

— Да.

— Ну и хорошо. — И стала стягивать другой сапог. Про мандарины ничего не сказала, но один почистила и положила на край Сониной тарелки.

В десять мама уснула на диване, не раздеваясь. Соня укрыла её пледом и вернулась на кухню. Выключила свет, чтобы видеть двор.

Фонарь горел. Снег шёл. Лавка была белая, ровная, как стол, накрытый скатертью. У края, где не хватало планки, лежала маленькая круглая шапка снега; под ней поблёскивал серебристый рукав стакана.

Соня подышала на стекло и ушла спать.

Ирина. 10 декабря

Списков было четыре, на стикерах разных цветов. Они жили на холодильнике. Ирина считала: порядок так и устроен: каждому делу свой цвет и своё место. Лимонные — работа. Канареечные — дом. Оранжевые — подарки. Один — розовый, самый маленький — всегда висел в стороне, у ручки дверцы. На нём стояло только одно слово. Его она уже месяц не вычёркивала и не переписывала.

В шесть сорок утра она стояла перед холодильником в халате и читала. Читала и пила воду, потому что кофе у неё полагался после душа.

Лимонные. Согласовать счёт с «Полипаком». Дозвониться на склад (3-й раз). Накладные за ноябрь. Олеся — премия?? Уточнить у Н. П. Заказ скотча до 15-го.

Канареечные. Ёлка (искусственная, 180). Мандарины. Борису корм, влажный. Заказать продукты на 31-е. Салфетки. Мыть окна? (вычеркнуто, написано заново, вычеркнуто.) Забрать пакет (почта).

Оранжевые. Бухгалтерия, три человека. Н. П. Олеся. Склад, пятеро. Курьер Рустам. Мама Олеси, потому что в прошлом году она передала пирог. Соседка по площадке. Парикмахер. Всего четырнадцать.

Розовый. «Катя».

Борис, огромный серый кот с лицом бухгалтера, сидел на табурете напротив и смотрел на неё не мигая. Корм значился во втором списке. Ирина открыла банку вилкой, выложила корм в миску, вымыла вилку и записала на канареечном: «Вилка. Купить ещё». Вилок оставалось три, а она держала в голове число пять.

К половине восьмого она была в метро. На Таганской эскалатор стоял второй день. Приходилось идти пешком по длинной лестнице, тесной цепочкой, затылок в затылок. Ирина шла в этой цепочке и считала ступени, чтобы не думать о «Полипаке».

Работа у неё была такая: она покупала упаковку. Коробки, плёнку, скотч, пупырчатые конверты, картонные уголки и бумажные наполнители для интернет-магазина, продававшего посуду по всей стране и отправлявшего в декабре по сорок тысяч посылок в неделю. Каждая уезжала в её коробке, каждая коробка проходила через её счёт. В ноябре, согласовав с поставщиком партию красного скотча с оленями, она по ошибке подтвердила не три тысячи рулонов, а тридцать тысяч, и теперь на складе под Домодедовом стояла гора скотча в три этажа, и олени смотрели оттуда на всех, кто заходил.

— Ирина Сергеевна, а олени у нас пойдут на подарки? — спросила Олеся из-за соседнего стола. Олесе было двадцать шесть, она красила волосы в цвет, который называла «пепельная роза», и во всех вопросах была на стороне оптимизма.

— Олени пойдут в январе, — ответила Ирина. — На распродажу. Со скидкой.

— А если не уйдут?

— Уйдут.

Она написала на лимонном: «Олени: Н. П.» и приклеила его к монитору, рядом с остальными. Монитор по краям уже был жёлтый.

Днём она с третьего раза, но дозвонилась на склад.

Прижав телефон плечом и продолжая печатать, объяснила человеку по фамилии Бережной, что накладные за ноябрь нужны ей сегодня.

В час дня пришёл курьер Рустам, плотный, румяный, в куртке с логотипом. Поставил на её стол коробку с образцами плёнки. Он приходил по четвергам, и она каждый раз узнавала его не сразу: видела сначала коробку.

— Ирина Сергеевна, чаю? — Он достал из рюкзака термос — большой, тёмно-зелёный, с вмятиной на боку. — Мама сегодня с чабрецом. Очень хороший. Горячий.

— Спасибо, Рустам. У меня обед.

— Обед — это хорошо, — согласился Рустам. — Но чай — это тоже обед.

Она улыбнулась. Рустам налил ей в крышку от термоса. Чай был тёплым, с запахом луговых трав. Ирина выпила половину, стоя, одной рукой набирая на клавиатуре номер накладной.

Рустам ушёл. Вечером она допишет на оранжевом, рядом с его именем: «чай».

К двум вычеркнулось пять пунктов. К четырём ещё два. К пяти осталось такое, что нельзя вычеркнуть сегодня: ёлка, мандарины, продукты на 31-е. К этому часу список жил уже в голове и перебирался сам собой, как чётки: ёлка, мандарины, Борис, накладные, ёлка, мандарины.

На розовый стикер она не смотрела. Он лежал в кармане: утром сняла его с холодильника и положила в карман пальто. Дома он слишком бросался в глаза, а в кармане был просто бумажкой.

В двадцать пять минут шестого она вышла из метро, и началась Москва, какой она бывает в декабре, когда день кончился давно, а ночь ещё не началась: чёрная вода на асфальте, жёлтые окна, красные огни в мокром воздухе. Ирина шла быстро. Пакет с мандаринами оттягивал правую руку. В левой был зонт: она носила его всегда и раскрывала редко.

Двор был старый, тихий, с тополем и лавкой. Её подъезд — последний. Идти нужно было мимо фонаря. Она ходила так шестой год и ни разу не останавливалась.

Сегодня остановилась.

На лавке, под фонарём, стоял стакан. Тёмно-синий, в серебристом рукаве, с белой крышкой. Стоял на самом краю, у выбитой планки. Над крышкой тонкой ниточкой шёл пар.

Ирина посмотрела на стакан. Потом по сторонам. Двор был пуст.

— Кто-то забыл, — сказала она себе. В голове сразу возник второй голос, деловой: — Убрать. Нельзя оставлять мусор.

Поставив пакет на снег, подошла к лавке и взяла стакан. Он оказался тяжёлым и горячим даже сквозь рукав. Она ожидала пустоты или недопитого кофе, который кто-нибудь забыл. А стакан был полный.

Запах пришёл раньше мысли. Какао. Настоящее, густое, с шоколадом и молоком, и ещё чем-то, может быть, корицей. Она вдохнула, и на эту секунду список пропал.

А потом вернулся.

— Рублей триста, — произнесла Ирина вслух. — И стоит на лавке.

Ещё раз огляделась. Окна светились, во дворе никого не было. Подумала, что надо бы поискать, чей он. Постучать в чужие двери? Кричать на весь двор? Представила, как стоит под фонарём и спрашивает в пустоту: «Чей стакан?» Ей стало неловко до жара в щеках, и она вернула стакан точно на то место, где стоял, даже подвинула его на полсантиметра левее, чтобы сходилось с прежним тёмным кружком на доске.

Взяла пакет. Пошла к подъезду. У двери остановилась, обернулась на секунду: стакан под фонарём стоял на том же месте. Пар над ним по-прежнему поднимался прямо.

Дома был Борис, горел свет, пахло её собственной квартирой: чистым бельём, кофе, влажной шерстью кота. Сняв пальто, достала из кармана розовый стикер, перевернула его и положила на кухонный стол, лицом вниз. Затем приклеила на холодильник оранжевый: «Бухгалтерия, 3 человека: коробка шоколада (сколько?)».

Постояла. Стакан не подходил ни одному из четырёх цветов. Тогда оторвала от блока пятый, голубой, который держала про запас, и написала на нём: «Стакан». Приклеила отдельно, сбоку — получился самым ярким.

Борис спрыгнул с табурета и потёрся о её ногу. Ирина достала телефон. В «избранном» стояла «Катя», и под именем виднелся последний разговор: четырнадцатое июля, две строчки, обе её. Ирина начала писать. «С наступающим». Подумала. Стёрла. «Мамин день рождения…» — стёрла и это: мамы не было уже третий год. Написала: «Привет». Постояла с телефоном в руке. Положила его на стол, экраном вниз, рядом с розовым стикером.

Потом вымыла руки, поставила чайник и подошла к окну.

Окно кухни выходило во двор. Лавка стояла под самым фонарём, и отсюда, с пятого этажа, была совсем маленькой, как на открытке, в которой кто-то забыл нарисовать людей. Снег шёл. Он ложился на спинку лавки, на край сиденья, на крышку стакана. Из-под снега, если присмотреться, всё ещё поднималась тонкая прямая нитка.

Чайник щёлкнул. Ирина налила чаю и выпила его стоя, у окна. Было без десяти шесть. Мандарины лежали в пакете на полу, нетронутые. Ёлка в списке стояла первой.

Пётр Андреевич. 11 декабря

Просыпался он в десять минут шестого, без будильника, и сорок восемь лет это называлось «по часам». Часов у него в квартире было одиннадцать: настенные в большой комнате, будильник на кухне, двое на каминной полке — так он называл подоконник, — ещё одни у входа, одни в ванной, водонепроницаемые, на присоске, и пятеро по книжным полкам. Двенадцатые часы лежали в ящике стола. Карманные, отцовские, с трещинкой по эмали.

Остальные шли. Он обходил комнаты каждое утро, с чашкой. Сверял между собой, поправлял, где нужно, на минуту, на две. Ему было семьдесят восемь, и он давно знал, что время в доме должно сходиться.

Сегодня сходилось почти всё. Кухонный будильник отставал на четыре минуты. Пётр Андреевич подвёл его, хотя вчера уже подводил, и позавчера тоже. Поставил на место. Будильник был китайский, дешёвый, мелкий: Лида купила его в девяносто восьмом на рынке за сорок рублей. Говорила, что часы бывают двух сортов: те, что идут, и те, что красивы. Ему, мастеру, надо смириться, что в доме есть и второй сорт.

Будильник отставал с первого дня. Лида, пока жила, называла его: «твой враг».

Пётр Андреевич поставил на плиту воду. Достал из шкафа одну чашку, одну тарелку, ложку. Овсянку варил сам: на воде, без соли, как требовал врач. Ел у окна, стоя — так получалось быстрее. Стул был на своём месте, у стола, придвинутый. Утром он на него не садился. Второй тоже на своём. На спинке висел её серый вязаный шарф.

Позавтракал. Помыл тарелку. Вытер насухо, поставил на сушилку. Всё это заняло четырнадцать минут. Сверил с часами: четырнадцать.

Даша училась в Казани, на втором курсе. Звонила каждую пятницу по видеосвязи. Этот способ связи Пётр Андреевич так и не освоил до конца: на экране у него обычно оказывался либо потолок, либо его собственный лоб. Сегодня был лоб.

— Дед. Деда. Ты опять держишь телефон над головой.

— Так лучше видно.

— Опусти телефон. Ниже. Ещё. Нет, это пол. Ладно, нормально. Ты ел?

— Овсянку.

— Ну хоть что-то. А мандарины купил? Ты обещал.

— Куплю.

— Деда.

— Куплю, Даша.

Лицо у неё было Лидино: те же скулы, тот же сощур, когда она пыталась понять, не обманывают ли её. Даша рассказывала про зачёт, про соседку, про кота, которого они прячут от коменданта, и Пётр Андреевич кивал и говорил «да» и «надо же», и в конце концов она сказала:

— В чате ты у меня теперь «Часовщик», я переименовала. Нормально?

— Что нормально?

— Ник. Тебе идёт.

— А раньше как было?

— «Дедушка П. А.»

— Это точнее, — согласился.

— Дед, ты невозможный! — Даша смеялась по-Лидиному: коротко, вниз, и он был рад это слышать.

— А как вообще, дед? — спросила она, отсмеявшись.

— Ничего.

На экране остался потолок.

Он вышел из дома в начале пятого, на почту, платить за квартиру. Приложение, которое ему поставила Даша, он ни разу не открывал. Почта находилась в трёх кварталах, в старом доме с высокими потолками. У дубового барьера стояло шесть человек. Над дверью висели круглые часы в чёрной раме. Пётр Андреевич, стоя в очереди, посмотрел на них с профессиональным интересом, а потом уже с личным.

Часы отставали на шесть минут.

Секундная стрелка двигалась с тяжёлым, неравномерным усилием. Когда подошла очередь, он заплатил, получил квитанцию и сказал оператору:

— У вас часы над дверью отстают на шесть минут.

— Мужчина, у нас очередь, — ответила она, не поднимая головы.

— Там пружина, наверное, слабая. Или маятник. Я могу…

— Мужчина.

Он замолчал. Оператор, пожилая женщина в вязаной жилетке, подняла на него глаза. Посмотрела на его пальто, шапку, на руки в кожаных перчатках. Сказала уже тише:

— Они всегда так. Мы привыкли.

— К неправильному привыкать нельзя, — покачал головой Пётр Андреевич.

— Можно, — не согласилась она. — Следующий.

Он вышел на улицу. Было семнадцать минут шестого, или одиннадцать, смотря по тому, чьим часам верить. Хлеб кончился, значит, нужно в магазин.

Магазин стоял на углу, через дорогу от старой кондитерской. Теперь там была кофейня с большими окнами и светлой стойкой, над которой светился экран. Он задержался, пытаясь разобрать, что там, на экране, но не разглядел. Он в такие места не заходил. Про себя ворчал: «В моё время кофе пили дома».

В магазине было тепло и тесно. Пётр Андреевич взял батон, нарезной, самый обычный, и постоял у стенда, на котором лежали мандарины в сетках. Помнил про Дашу. Взял сетку. Вернул на место: показалась слишком красной. Взял поскромнее. Направился к кассе, пересчитывая в голове рубли, значащие теперь совсем не то, что раньше.

— Пакет нужен? — спросила кассирша.

— Нужен.

— Пять рублей.

— Давайте.

Шестой час. В декабре к этому времени по-настоящему темно. Фонари на улице горели рядами. Пётр Андреевич свернул во двор и пошёл к своему подъезду, дальнему, по тропинке, протоптанной жильцами в снегу: мимо тополя, мимо лавки.

На лавке стоял стакан.

Он остановился. Сорок лет у верстака научили его: вещь, оказавшаяся не там, где должна, всегда чья-нибудь. А чужая вещь, к которой прикоснулись, может сломаться.

Стакан был тёмно-синий, в серебристом рукаве, с белой крышкой. Стоял на краю, у выбитой планки, без наклона. Как предмет, который аккуратно поставили, а не бросили. Над крышкой поднимался пар. На свету он расходился тонкой дугой по краю, а снег, ложась рядом, темнел и таял. Такой же стакан он видел позавчера, на этом же месте, рядом с девочкой в больших наушниках. Тогда решил, что её. Сегодня девочки не было. Пётр Андреевич посмотрел на пар и подумал: градусов семьдесят. Подумал: недавно. Подумал: человек поставил его за пять, максимум за семь минут до моего прихода. Огляделся. Двор был пуст. Окна светились. Под фонарём падал снег.

Запаха он не почувствовал. Не потому, что его не было, а потому, что запахи уже давно не доходили до него: девять месяцев они проходили мимо, как люди на другой стороне улицы. Он знал, что в квартире у него пахнет кухней, лекарством и той особой пустой сухостью, которая появляется, когда никто не открывает окна. Знал, но не чувствовал.

Он постоял и сказал, негромко, глядя на стакан:

— Чей-то.

Фонарь над ним гудел тонко, электрически, на одной ноте. Он этого не слышал.

Ему хотелось, нестерпимо, по-мальчишески, подойти и снять крышку. Узнать, что внутри. Там должен быть какой-то механизм, объясняющий: кто налил, кто поставил, зачем. Ему было семьдесят восемь, и он ни разу в жизни не оставил вещь, не посмотрев, как она устроена. Он даже протянул руку, в кожаной перчатке, и она зависла над крышкой, в трёх сантиметрах, в самом пару.

Потом он убрал руку.

— Нельзя, — остановил он себя.

Обошёл лавку. Пошёл к подъезду. На втором этаже, у себя, он зажёг свет, снял пальто, положил хлеб в хлебницу, мандарины в вазу, которую давно не использовали для цветов, поставил чайник.

Окно кухни выходило на глухую стену соседнего дома. Лавку из него не увидеть, да он и не пытался.

Когда чайник засвистел — налил, подул, выпил. Сел. Ошибку понял сразу: на стул, на свой, но спиной к другому, который стоял пустой, с шарфом на спинке. Сидеть было неудобно. Встал. Допил стоя.

Потом открыл ящик стола и достал карманные часы.

Он не знал точно, когда они остановились. В ту ночь не посмотрел на них. Помнил только, что проснулся в десять минут шестого, как всегда, что в квартире было слишком тихо, что долго не мог понять — почему. Понял, когда подошёл к ней…

Он поднёс часы к уху. Тишина у них была своя, не такая, как у других. У пустых часов она сухая, шершавая, короткая, и в ней нет ничего, кроме собственной механики, которая ждёт. Сорок лет различал тишины часов: у остановившихся, у сломанных, у ждущих завода. Эта была четвёртая. Как её назвать, не знал.

Завести их было делом одной минуты. Колёсико, три оборота, пальцами. Знал — пойдут сразу: в них ничего не сломано.

Он убрал их обратно в ящик. Задвинул. Выключил свет на кухне и пошёл спать, потому что был девятый час.

За стеной был двор: фонарь, снег, лавка. Стакан на ней стоял.

Стойка. 14 декабря

Дамир стоит за стойкой и улыбается шестой час подряд.

Зал сегодня полный. Светлые столики, тёмно-синие стаканы в серебристых рукавах, планшет у входа светится. На большом экране у выдачи, под потолком, бегут строчки: номер, имя, статус. «Готовится», «Готово», «Готово». Имена гости вводят сами, бывают и весёлые. Сорок первый: «Маша». Сорок второй: «Не Олег». Сорок третий: «кофе мне срочно». Сорок четвёртый: «Мама просила». Дамир читает их на ходу, как читают объявления на остановке. Каждое имя — про кого-то.

— Привет! — говорит он человеку, который подходит к стойке. — Как обычно?

Человек его не знает. Дамир не знает человека. Это неважно: «как обычно» работает на всех, потому что у каждого, если вдуматься, есть своё «обычно».

— Раф, — бросает человек, не отрывая глаз от телефона.

— Раф на кокосовом, — говорит Дамир, хотя заказ уже висит на экране перед ним. — Хорошего вечера!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.